Туристические промыслы и «право на город»: конструирование локальной идентичности в постсоветском Сортавала через доступ к туристическому ресурсу[1]

Е. А. Кузнецов, В. А. Михайловская

Егор Андреевич Кузнецов, аспирант факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Центра социокультурных и этноязыковых исследований факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: kuznetsov.e@hse.ru

Варвара Александровна Михайловская, студентка факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Центра социокультурных и этноязыковых исследований факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: vmikhaylovskaya@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются низовые формы экономической активности в туристической сфере города Сортавала (Республика Карелия), ставшей актуальной после пандемии COVID-19 и закрытия границы в 2020-х годах. В условиях отсутствия крупных промышленных предприятий внутренний туризм стал одной из ключевых сфер экономической активности местных жителей. Особое внимание уделяется тому, что мы называем туристическими промыслами, — гибким, мелкомасштабным и часто неформальным практикам, ориентированным на самообеспечение и адаптированным к турбулентному социально-экономическому контексту региона. Эти практики отличаются как от неустойчивого наемного труда, так и от формального предпринимательства, что характеризует особую форму участия в туристической экономике. Сама туристическая экономика воспринимается в локальных сообществах как безальтернативный и во многом стратегически привлекательный вектор развития Сортавала.

Данная статья основана на материалах качественного полевого исследования, проведенного в 2023–2024 годах и включившего интервью с местными жителями и наблюдение. Опираясь на эти данные, мы показываем, что ключевым фактором, определяющим формы участия в туристической экономике, является доступ к туристическому ресурсу — к местам, инфраструктуре, нарративам и природным ландшафтам, которые могут быть превращены в источник дохода через взаимодействие с туристами. Доступ к ресурсу распределен неравномерно и потенциально может

1. Авторы выражают сердечную благодарность собеседникам, жителям Сортавальского муниципального округа, за предоставленную для анализа информацию. Кроме того, авторы благодарят коллег по экспедициям за возможность использования части общих данных, необходимых для написания этой статьи.
Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

приводить к конфликтам. Мы рассматриваем его не только как возможность улучшить благосостояние, но и как способ реализации чувства принадлежности. Через участие в туристических промыслах местные реализуют своеобразную форму права на город — права не просто проживать, но активно использовать и формировать городское пространство и места, которые его окружают. Таким образом, участие в туристической экономике становится способом актуализации и переосмысления локальной идентичности жителей переселенческого города с фронтирной историей.

Ключевые слова: Сортавала, туристическая экономика, неформальная экономика, туристические промыслы, туристический ресурс, право на город, локальная идентичность

EDN: DYUCXN

«Сортавала известна своим прекрасным расположением на Ладожском озере, самом большом озере в Европе. <...> Город имеет богатую историю с влиянием шведской, финской и русской культуры. <...> Сортавала предлагает сочетание природной красоты и культурного наследия. Вы можете исследовать карельскую дикую природу, посетить известные места, такие как Мраморный каньон Рускеала и Валаамский монастырь, и насладиться спокойной атмосферой. Любите ли вы походы, катание на лодках или просто отдых, Сортавала идеально подходит для вас»[2], — пишет один из множества онлайн-путеводителей по городу Сортавала на юго-западе Республики Карелия. «Столица Северного Приладожья», исторического региона внутри республики на границе с Ленинградской областью и Финляндией, в последние несколько лет испытывает «туристический бум»[3]. СМИ сообщают о более чем миллионном ежегодном туристическом потоке в Сортавальский округ и сам город, ориентация на эту экономическую отрасль заметна и в материальной и цифровой туристической инфраструктуре — видимости кафе, ресторанов и сувенирных магазинов, рекламы туров в горный парк «Рускеала» и Валаамский монастырь, сапов и катеров, предложений жилья на сайтах, — и в разговорах с представителями местных сообществ. Как в собранных нами в 2023–2024 годах полевых материалах, так и в научной литературе существуют различные взгляды на туризм, его влияние на локальную экономику и повседневность: помимо очевидного разделения на позитивное, негативное и позицию «все сложно», наработанный социальными исследователями опыт позволяет рассмотреть туризм с макро- или микроэкономической перспективы, проследить его взаимосвязь с формированием нового социального ландшафта. В статье мы сосредоточимся именно на этом: проанализируем появление новых локальных сообществ, практик и идентичностей в связи с разви-

2. https://moyatvoya.ru/putevoditeli/sortavala-putevoditel
3. https://factornews.ru/article/turisticheskij-bum-po-sortavalski/

тием туристической отрасли в Сортавала[4], которое стало особенно заметным после пандемии COVID-19 в 2020–2021 годах и закрытия границы с Финляндией с 2023 года. Однако прежде обратимся к концептуализации туризма как исследовательского феномена.

Согласно Джону Трайбу, туризм — сумма феноменов и отношений, возникающих во взаимодействии отправляющих (generating) и принимающих регионов, туристов, бизнеса, правительств, сообществ и среды (Tribe, 1997: 641). Широкое и многосоставное определение позволяет сосредоточить исследовательский фокус не только на самих туристах и их рекреационных потребностях, но и рассмотреть культурные, экологические и социальные последствия туристической экономики, политику и планирование, и, что важно в контексте статьи, восприятие туризма местными сообществами (Holden, 2006: 12). Набирающая популярность концепция устойчивого развития предлагает видение туризма как основанного на местных сообществах (community-based tourism), то есть предполагающего их непосредственное участие и получение материальных и политических преимуществ[5]. Устойчивое развитие туризма отводит местным сообществам важную роль в качестве держателей экологических, культурных и иных ресурсов, используемых в туризме, и медиаторов между использованием и управлением этими ресурсами (Muganda, Sirima, Ezra, 2013: 54).

Однако такая ситуация — скорее идеал, к которому исследователи призывают стремиться. Зачастую авторы, описывая развитие туристической отрасли, предполагают возможные роли в нем местных сообществ и дают свои рекомендации для их большего включения в локальную экономику и систему управления. Губайе Ассайе Аламинах отмечает, что основными выгодополучателями туризма становятся государство, владельцы отелей, тургиды и туроператоры, в то время как местные сообщества — несмотря на положительное влияние на городскую среду и создание новых рабочих мест — не являются ни потребителями туристических услуг, ни их поставщиками из-за разницы в экономическом положении (Alamineh, Hussein, Endaweke et al., 2023: 14). Помимо нехватки средств местные жители проигрывают конкуренцию крупным предпринимателям и государственным акторам по таким показателям, как опыт открытия и ведения туристического предприятия, интерес и социальные связи (Rogerson, Letsie, 2013). Участников туристической сферы на локальном уровне можно разделить на две группы: тех, кто влияет на принимаемые решения, и тех, кто этим решениям подвержен: как пишет Джеймс Мейерс на материале не-

4. По мнению многих местных жителей, название города не склоняется и относится к женскому роду — в тексте мы пользуемся именно таким вариантом употребления.

5. https://www.tourismcares.org/tourism-cares-blog/how-community-based-tourism-empowers-locals-and-enhances-travel

больших поселков в Танзании, местные жители чаще относятся ко второй категории (Mayers, 2005). Обратная сторона создания новых рабочих мест в туристической экономике заключается в низкой квалификации работы и ее невысокой оплате, незащищенности сотрудников, сезонной занятости или занятости на неполный рабочий день (Holden, 2006: 99).

Несмотря на это, некоторые исследователи не отрицают их участие в туризме: Майкл Муганда, Агнес Сирима и Питер Эзра полагают, что локальные сообщества в местах, ориентированных на эту сферу, могут организовывать маломасштабные туристические предприятия или, реже, разрабатывать механизмы распределения выгод совместно с более крупными игроками рынка (Muganda, Sirima, Ezra, 2013: 64). Так, в большинстве случаев вовлеченность местных сообществ в туризм реализуется через работу в найме на созданной крупными экономическими акторами инфраструктуре или через низовые практики: небольшие предприятия разной направленности (Muganda, Sirima, Ezra, 2013; Duxbury, de Castro, Silva, 2025) и челночный бизнес (Александрова, 2012: 18). Диверсификация туристического потенциала в нашем кейсе города Сортавала — «сочетание природной красоты и культурного наследия»[6], — а также его приграничное положение способствуют распространению низовых практик вовлеченности в эту сферу занятости.

Позволим себе еще раз процитировать онлайн-путеводитель по Сортавала: как пишут авторы, «город имеет богатую историю с влиянием шведской, финской и русской культуры»[7]. Богатое культурное наследие города, как и всего Северного Приладожья, объясняется его фронтирным положением, которое стало актуальным для локального контекста с появлением границ как таковых (Мельникова, 2015). Регион успел побывать в составе Новгородской республики, Шведского королевства, Российской империи и независимой Финляндии, а с 1940-х годов — по результатам Великой Отечественной войны — стал частью Советского Союза и позднее Российской Федерации. Сортавала как город внутри региона демонстрирует не менее трансграничную историю: основанный шведами, в финский период город является торговым и культурным центром региона, а в советское время с приходом нового населения — промышленным (Матвеева, Радченко, Петров, 2021). Переселенческое и трансграничное прошлое города оставляет неоднозначное наследие его современным жителям: пространство карельского города было «чуждо» советским переселенцам, занявшим оставленные финнами дома и другую городскую инфраструктуру; в настоящее время, как отмечают исследователи региона, проблематика принадлежности продолжает иметь значение для местных сообществ (Izotov, 2018; Мельникова, 2015; Матвеева, 2021).

6. https://moyatvoya.ru/putevoditeli/sortavala-putevoditel
7. Там же

Как показывают наши полевые материалы, чуждость места усиливается с ростом внутреннего туризма в 2020-е годы, когда пространство города становится насыщенным приезжими и туристической инфраструктурой: местами общественного питания с «московскими ценниками»[8], благоустройством центра города, загруженными дорогами и водоемами. Местные жители чувствуют себя «гостями»[9] города и не основными пользователями туристических объектов и услуг, параллельно испытывая необходимость встраиваться в новую туристическую экономику с помощью работы в найме или низовых практик. Сосредоточившись на последних, в статье мы опишем способы получения выгоды локальными сообществами из туристического ресурса города, а также проследим взаимосвязь доступа местных к использованию пространства и осмысления ими принадлежности к нему.

Методология и материалы исследования

В основе статьи лежат материалы качественного полевого исследования и данные невключенного наблюдения, собранные в ходе экспедиций в Северное Приладожье (октябрь 2023 г., март 2024 г.). Эмпирическая база включает более 40 глубинных полуструктурированных интервью, проведенных с жителями Сортавальского района и города Сортавала. Среди информантов — представители туристической сферы, администрации, образовательных учреждений, а также другие горожане. Для иллюстрации отдельных аргументов в статье приводятся цитаты интервьюируемых с указанием их пола, возраста и профессиональной принадлежности. В целях сохранения анонимности возраст собеседников указан округленно.

Туризм в Сортавала: история и современность

Сортавала, как отмечается в СМИ[10] и недавних исследованиях, является одним из лидеров по туристическому потоку как в Карелии, так и в России (Kondrateva, 2021: 128). Северное Приладожье лидирует внутри республики по количеству памятников (40% из всех памятников на территории Карелии), а город и округ, в свою очередь, занимают первое место в регионе по числу архитектурных памятников, при этом наиболее популярных среди туристов (Stepanova, 2019: 413). Однако туризм в городе возник не на пустом месте и имеет свою историю, важную для понимания современной ситуации в Приладожье. Ме-

8. Муж., 30, фрилансер.
9. Жен., 45, фотограф.
10. https://ptzgovorit.ru/news/sortavala-popala-v-lidery-dorogih-napravleniy-dlya-otdyha

стом туристической дестинации город становится в так называемый «финский период» во второй половине XIX — начале XX века, когда территория Сортавальского округа была частью Великого княжества Финляндского и, чуть позднее, независимой Финляндии. Рост туристической экономики исследователями региона связывается с публикацией эпоса «Калевала» — важным символом финской и карельской национальных идентичностей, сборником карельских рун, записанных финским лингвистом и фольклористом Элиасом Леннротом в том числе в Северном Приладожье. Регион получил известность как место, где можно найти «рунопевческие деревни», в которых проживали рунопевцы — исполнители карельских эпических рун. Событийный и организованный туризм, основанный на маршрутах по рунопевческим деревням и рунопевческих фестивалях, дополнялся в финский период паломническим туризмом на остров Валаам, где располагался монастырь, и природным туризмом (Stepanova, 2019: 415).

После Советско-финляндской и Великой Отечественной войны, когда Северное Приладожье отошло к СССР и в регионе установился строгий пограничный режим, туризм в Сортавала стал менее массовым, но полностью не исчез. В советский период вследствие особенностей экономического устройства туристическая деятельность финансировалась государством и рассматривалась как социальная активность. В Приладожье и, в частности, в Сортавала она выражалась в природном — походах, рыбалке и сборе дикоросов — и религиозном туризме (Izotov, Laine, 2013: 100; Stepanova, 2019: 415). Этому способствовала близость города к Ленинграду и развитая транспортная инфраструктура в самой Сортавала, которая делала ее транспортным узлом в регионе. В условиях отсутствия мест размещения туристов их селили в квартирах местных жителей (Izotov, Laine, 2013: 100).

Либерализация пограничного режима и политики СССР в конце 1980-х годов, и особенно открытие государственной границы с Финляндией и города для остальной России в 1990-х годах дали новый толчок развитию туризма. В условиях постепенного ухода промышленности из города — хлебозавода, молокозавода, пивзавода, мебельной фабрики — появилась необходимость налаживать локальную экономику. Возможность международного туризма была способом «заработать западную валюту»: в первые годы открытой границы строились гостиницы, развивались российско-финские туристические агентства и курсы финского языка (Izotov, Laine, 2013: 97). Важно отметить, что поездки финнов в Сортавала и окрестности в 1990-х годах диверсифицированы: исследователи выделяют «ностальгический туризм», секс-туризм и алкогольный туризм, шопинг. С одной стороны, туристические фирмы организовывали туры в Приладожье для пожилых финнов — бывших жителей этого региона и их семей. Такие автобусные туры включали в себя посещение оставленных ими в 1940-х годах домов, хуторов и кладбищ. Реже ностальгический туризм был индивидуальным и позволял местным

участвовать в нем на низовом уровне, к примеру, с помощью предоставления транспортных услуг.

> *Была у меня машина, «пятерка». И приезжали финны, я за денежку их возил. Сказали поехать на тот хутор, потом на этот хутор. Привозили себе корзинку, делали маленький пикничок, сидели, бутылочку пива выпивали, плакали. Прям старички* (Муж.,50, пастор).

К концу 1990-х исследователи отмечают спад ностальгического туризма и вместе с этим рост других видов досуга финнов в Приладожье — поездок в бары, за наркотиками и половыми контактами, а также продуктами, сигаретами, алкоголем и бензином. Такой низовой туризм был чаще индивидуальным и позволял местным участвовать в неформальной экономике: зарабатывать на извозе, торговле и секс-услугах (Izotov, Laine, 2013: 102–103). Несмотря на двоякое отношение к «специфичному» финскому туризму в 1990-х годах и его нестандартную направленность, российско-финляндское сотрудничество и взаимодействие, выражавшееся в том числе в туристической мобильности через ближайший международный пункт пропуска Вяртсиля-Ниирала и связанных с ней экономическими практиками, поддерживало доход локальных сообществ и формировало базу для последующего роста туризма (Kondrateva, 2021: 134).

> *Когда была разруха, этот город был тоже туристический, но для очень специфичного туризма. Тогда еще границы все были открыты, и сюда ездили с Финляндии дяденьки с *финляндскими*[11] марками. Здесь туризм заключался не в природных точечках, а в барах, всяких местах с женщинами с низкой социальной ответственностью, как говорил наш президент, и прочее. Мы, допустим, как жители Сортавала и поселков собирали ягоды в лесу и лисички и на дороге продавали за 10 марок ведро. То есть так люди зарабатывали* (Муж., 30, фрилансер).

Период на рубеже XX–XXI веков ознаменовался, во-первых, началом включения в фокус туристической отрасли внутреннего туризма для поиска бóльших возможностей и средств; во-вторых, утверждением туризма в качестве приоритетного направления развития (Stepanova, 2016). В несколько раз увеличивается туристический поток (Савельев, Толстогузов, 2008), расширяются и направленности туризма: возобновляется интерес к природному потенциалу Северного Приладожья, внимание получают культурный и рекреационный аспекты (Stepanova, 2019: 422). В этой связке расширяется спектр туроператоров и фирм; Сортавала для внутреннего туризма, с одной стороны, становится самостоятельной точкой туристической дестинации (Kondrateva, 2021:

11. Здесь и далее в цитатах звездочками (*) мы отделяем авторские примечания.

129). С другой — город превращается в транзитный пункт по пути в Финляндию и другие европейские страны, в Валаамский монастырь и на природные объекты Приладожья.

> *Сейчас мы должны через себя, через свой район открывать людям и другую Карелию. Как бы кто ни относился к охоте, заедет еще через Сортавала. Ты любишь собирать дикоросы — опять же через Сортавала ты приехал из Москвы. Мы здесь такой сегмент тебе предоставили* (Муж., 50, чиновник).

В собранных нами нарративах постсоветское время 2000–2010 годов в разрезе туризма характеризуется также появлением «меценатских проектов» — входом на рынок туристических услуг предпринимателей и инвесторов, которые дополнительно развивают отраслевую инфраструктуру и способствуют диверсификации рынка, доступности поездок (Holden, 2006: 86). Наиболее крупные и заметные в поле инициативы — это горный парк «Рускеала» в 30 километрах от Сортавала на месте шведского и финского мраморного карьера и идущий до него «Рускеальский экспресс», воссозданный памятник архитектуры в центре города «Дом Берга» с рестораном и магазином внутри, а также гостиница «Пийпун Пиха», памятник Александру I и база отдыха «Черные камни» с прилегающим к ней зоопарком в 50 километрах от города. Проекты меценатов дополнительно привлекают туристов и создают рабочие места в сообществе, получая положительную оценку населения.

> *Наш любезный товарищ меценат *Л.* — хороший дяденька, пускай вкладывает *деньги*. Здесь вообще пустырь был, ничего. А сейчас он пригнал поезд Деда Мороза. Это нерпе памятник он сделал. <...> Вот *меценат А.*. Это же у него тогда идея была вот эти рускеальские экспрессы сделать* (Жен., 40, бухгалтер).

> *Конечно, в горном парке все немножко изменилось *с момента открытия*, и потом подключился РЖД, то есть они же тоже партнеры теперь. Хорошо то, что очень многие люди получили здесь работу и зарплату. Я бы даже не сказала, что она самая низкая* (Жен., 55, экскурсовод).

В этом процессе продолжала играть роль транспортная доступность: расширение международного шоссе «Голубая дорога» через Швецию, Норвегию и Финляндию, ремонт трассы А-181 «Скандинавия» от Санкт-Петербурга до Вяртсиля, запуск в 2018 году скоростного поезда «Ласточка» до Сортавала из Санкт-Петербурга.

> *Близко к Финляндии, к Питеру. То есть можно в выходные... Сел на поезд, там четыре часа, и ты в Питере. Ну пять. На «Ласточке». А раньше мы на перекладных ездили* (Жен., 40, бухгалтер).

Рекордные для Сортавала и Приладожья туристические показатели, как мы уже упомянули, регистрируются в СМИ и исследованиях начиная с 2020 года: условия пандемии положительно повлияли на так называемый «дикий туризм» — вылазки или жизнь на природе в палатках и арендованных домиках, а начало геополитической турбулентности и последующее закрытие границы России и Финляндии сделало Сортавала одним из наиболее популярных и дорогих малых городов для туристических поездок[12]. Мы предполагаем, что современное состояние туристической сферы в городе скорее основывается на инициативах «сверху»: развитии инфраструктуры на средства меценатов, федерального и регионального бюджета с помощью грантовой системы, проектах крупных компаний, к примеру, РЖД; «карельское» брендирование пространства и сувенирной продукции, несмотря на слабую по сравнению с другими районами Карелии связь города с карельской историей и этничностью. Представители местной администрации при этом предполагают туризм в качестве безальтернативной стратегии развития города и муниципального округа, за счет которого выигрывает как сам город в качестве самостоятельного актора, так и местные жители и представители бизнеса. Сами государственные акторы на локальном уровне не получают при такой стратегии прямых доходов, однако предполагается, что введенный с 1 января 2025 года туристический налог и базовое налогообложение позволят пополнять местный бюджет косвенно.

> *Все мы видим, что город расцветает. Не напрямую, но от косвенного участия в туристической отрасли. За счет вот этого мы обязаны направлять бóльшую свою часть средств *в развитие туризма* для того, чтобы это, в принципе, было возможно. <...> Обороты финансовых средств растут. Естественно, налогооблагаемая база растет. Местный мелкий и средний бизнес растет* (Муж., 50, чиновник).

Однако мы снова рискуем ввести себя в заблуждение, приведя пример мышления стратегиями и проектами. Туристическую экономику в Сортавала сложно назвать согласующейся с концепцией устойчивого развития, при которой основными выгодополучателями являются местные сообщества, а управление туристическим ресурсом они разделяют с органами власти на местах. Как и в более ранние периоды туристической деятельности в городе, локальные сообщества вовлекаются в отраслевую экономику через низовые практики и неформальную занятость — рынок предложений частных услуг для приезжих перенасыщен. Это влияет и на местный бюджет, и на рынок нетуристических вакансий, где доход зна-

12. https://karel.mk.ru/social/2024/12/18/sortavala-voshla-v-top10-gorodov-dlya-zimnego-otdykha.html

чительно ниже и не позволяет закрывать свои потребности в условиях «неслабых ценников»[13] на недвижимость, продукты и досуг. Несмотря на попытки городской и окружной администрации договориться об узаконивании «серой» экономической деятельности, на момент проведения исследования ситуация с неформальной занятостью остается прежней.

> *В этой части *в туризме* экономический разврат населения. Потому что все хапнули легких денег. Ну а *нам* надо делать дороги, убирать улицы, делать скверы. Понимаете, работать некому, налоги платят не все* (Муж., 50, чиновник).

Так, туристическая экономика в Сортавала — это не только региональные, корпоративные и другие бизнес-проекты. Локальные сообщества также вовлекаются в эту отрасль, считая ее более прибыльной, чем работа, к примеру, в бюджетной сфере. Жители Сортавала обслуживают растущую туристическую инфраструктуру, работая в найме: в отелях, местах общественного питания, сувенирных магазинах, на базах отдыха и т.д. Другой вариант заработка — это низовые практики, которые чаще всего связаны с туризмом даже в тех случаях, когда основная работа далека от этого.

> *Но основная масса нашего населения, у них есть официальная работа и неофициальная, это туризм. Кто-то сдает дома, кто-то квартиры, кто-то занимается уборкой домов и квартир, кто-то на катерах людей возит. В принципе, да. В последние, наверное, года 3–4 все завязано на туризме. Основные предприятия, которые здесь существовали, производства, его как такового теперь нет. Только туризм остался. Никакого производства* (Жен., 40, бухгалтер).

«Промысловая» оптика низового встраивания в туристическую отрасль Сортавала

Распространенность и важность для сообщества именно низового участия в туристической экономике регулярно находят отражение в нарративах местных жителей и крайне заметны в городском ландшафте. Анализируя формы вовлечения местных в туристическую экономику, мы опираемся на концепцию *промысла*, описанную Юрием Плюсниным, и в различных формах используемую рядом социальных исследователей, в частности, авторами фонда «Хамовники» (Селеев, Павлов, 2016; Плюснин, 2022, 2024).

Плюснин определяет промыслы как самодеятельную хозяйственно-экономическую активность домохозяйства, основанную на ис-

13. Муж., 30, фрилансер.

пользовании собственных ресурсов и технологий и направленную прежде всего на жизнеобеспечение семьи, а также на достижение иных, зачастую социальных целей. Промысловые практики часто возникают и актуализируются именно как средства выживания и адаптации к социоэкономической турбулентности в условиях отсутствия стабильной занятости. Для промыслов характерно отсутствие бизнес-логики экстенсивного развития, но присуща широкая кооперация и артельный способ организации труда (Плюснин, 2022: 230). Выбор этой теоретической рамки, с одной стороны, обеспечивает инструментарий для описания и анализа именно низового, самодеятельного характера хозяйственно-экономических практик, находящихся вне поля формальной экономики, но критически важных для повседневного жизнеобеспечения, а понятие «промысловых ресурсов» позволяет нам описывать неравномерность вариантов участия в туристической отрасли. С другой — мы получаем возможность расширить применимость самой рамки, развивая ее в направлении изучения туристической экономики.

Главные критерии, по которым Плюснин предлагает классифицировать существующие промыслы, — ресурсный и темпоральный, а именно: на каком ресурсе основан промысел и как давно этот промысел появился в сообществе соответственно (Плюснин, 2024: 77–81). Ресурс — сырье для обеспечения промысловой деятельности, источник промысла. Плюснин выделяет следующие ресурсы: природные, хозяйственные, инфраструктурные, человеческие и социальные (социальные обязательства государства). По критерию темпоральности «архаические» (существующие в сообществе в течение нескольких поколений и считающиеся традиционными) и «современные» (появившиеся в сообществе на памяти ныне живущих поколений) промыслы (Плюснин, 2024: 86–87). Архаическими промыслами можно назвать оленеводство, рыболовство, охоту и сбор дикоросов, тогда как нас интересуют современные формы жизнеобеспечения, а именно туристические практики.

Следует отметить, что «промысловая» рамка сталкивается с трудностями точной классификации полевого материала, на что указывает и сам автор (Плюснин, 2024: 78, 126–129; Плюснин, 2022: 101). Особенно это касается «пограничных» случаев: зачастую мы называем промыслом то, что иначе представилось бы возможным назвать мелким предпринимательством или семейным бизнесом. Неясно также, как классифицировать труд наемных работников, занятых «на промысле», но, по наблюдениям из поля, не являющихся промысловиками.

В этой связи мы рассматриваем категорию промыслов как продуктивную, но требующую адаптации для более точного описания кейса Сортавала. Для определения туристических промыслов в условиях нашего поля мы предлагаем набор критериев, основанных на ключевых положениях Плюснина и собственных наблюдениях. Главные из них: 1) неформальная структура занятости

и организации, 2) кооперативная (артельная) организация труда, 3) логика развития, направленная на самообеспечение.

Промысловая занятость, как правило, неформальная и частичная (Плюснин, 2024: 226–230). Она редко подлежат официальному оформлению, а сама деятельность, обозначаемая как промысел, не вписывается в логику «нормированной» трудовой занятости. Промысел осуществляется в гибком режиме, часто с нерегулярной занятостью, варьирующейся в зависимости от сезона, спроса, загруженности на основной работе и других личных обстоятельств. Подобные формы занятости могут описываться в социологии как периферийные по отношению к институционализированному рынку труда (Cowan, Campbell, Kalb, 2023). Сами «промысловые» предприятия обычно существуют неофициально, однако могут частично или полностью формализовываться (часто в формате ИП и самозанятости) — особенно в случаях, когда вести дела «в серую» или «в черную» затруднительно.

Промысловая структура коллективного труда предполагает преимущественно горизонтальные формы кооперации и распределения ответственности. Наблюдается то, что можно охарактеризовать как артельный тип организации: каждый участник в артели «*есть предприниматель, даже если он подчинен воле старшего*» (Плюснин, 2022: 236–237). Такая структура основана на личных договоренностях, поэтому промысловые бригады обычно состоят из родственников, друзей и соседей. Это по большей части исключает из промысловой рамки труд наемных рабочих, не обладающих достаточной субъектностью и занимающих четкое низовое положение в иерархии. Также промысловая кооперация способствует появлению специфических профессиональных сообществ — неформальных сетей, объединяющих людей, занятых в смежных видах деятельности. Такие сети функционируют как своего рода инфраструктуры взаимопомощи, из которых могут вырастать полноценные артели — взаимосвязи в таких рассеянных коллективах позволяют совместно контролировать рынок и распределять заказы среди «своих».

Промысловая логика развития предполагает, как было сказано, несоответствие «бизнес-логике» (Кордонский, 2010: 45–58; Плюснин, 2022: 230). Обычно промысел направлен на самообеспечение домохозяйства (будь то непосредственно ресурсами или финансами) и не нацелен на широкое развитие ради получения дополнительной прибыли, а иногда и вовсе находится вне логики капиталистических процессов (Плюснин, 2022: 230). Безусловно, промысловики могут стремиться к расширению своего дела, однако при достаточном развитии промысел перестает быть таковым и окончательно переходит в разряд «бизнеса».

Из данных критериев также следует, что промысел не может быть слишком крупным. Даже в тех случаях, когда промысел начинает расти, его трансформация в бизнес-структуру происходит

не только под воздействием логики бизнес-экспансии. Во-первых, рост неизбежно привлекает внимание регулирующих органов, что ведет к необходимости официальной регистрации, налоговой отчетности и соблюдению формальных норм — то есть к включению в институциональное поле. Во-вторых, с увеличением масштабов деятельности изменяется и характер управления: горизонтальные, артельные формы вытесняются более иерархическими и специализированными. В-третьих, при расширении промысел теряет свою ориентацию на самообеспечение — возникает необходимость постоянного роста, оптимизации, конкуренции и извлечения прибыли, что сближает его с предпринимательскими формами ведения дел. Таким образом, промысел по определению не может быть сильно масштабирован — при достижении определенного порога он теряет свою структурную и смысловую специфику.

Часть неформальных экономических практик в сфере туризма в Сортавала мы, таким образом, считаем туристическими промыслами, но важно подчеркнуть, что даже с учетом обозначенных критериев однозначная классификация промысловой деятельности все же затруднена: мы скорее имеем дело не с дискретными категориями, а с размытым спектром практик.

Типология промыслов

В рамках туристической экономики Сортавала наблюдается широкий спектр промысловой занятости. По большей части, эти практики можно отнести к сфере услуг. Мы приводим подробный, хотя и не исчерпывающий список таких практик, зафиксированных нами в ходе полевого исследования.

Производство и продажа товаров: сувениры (в т.ч. съедобные), зачастую производимые кустарно и распространяемые через многочисленные сувенирные лавки Сортавала. Также «челночество» — ввоз финских и иных европейских товаров из-за границы и их продажа на ярмарках, рынках, в мелких магазинах «из-под полы».

Жилье и размещение: организация, сдача и обслуживание гостевых домов, небольших гостиниц, домиков, квартир и комнат. Из полевых данных следует, что это наиболее популярный способ низового встраивания в туристическую отрасль.

> *А сейчас, в принципе, тут сложно найти сортавальца, у которого есть какая-то жилплощадь, которую он не сдает летом* (Муж, 30, фрилансер).

Экскурсионная деятельность и околотуристические сервисы: сюда относятся как собственно услуги гида — от обзорных экскурсий по Сортавала до «выездов за город» (Валаам, Ладожские шхеры и т.д.), — так и прокат туристического снаряжения: сапы,

лодки, байдарки, снегоходы и т.п. Нередко этот тип деятельности совмещается с «транспортными услугами» — и транспорт, и экскурсия, и прокат оборудования, если оно необходимо, могут предоставляться одним человеком и оформляться «под ключ».

> *Мы сапами занимаемся, они байдарками занимаются. Вот еще один знакомый тоже у нас, он занимается таким пешеходным, то есть у него и по земле есть, как бы там несколько километров, потом они садятся на байдарку, еще там плывут какое-то время на байдарке, то есть ну такой комбинированный *маршрут** (Жен., 45, прокат сапов).

Транспортные услуги: устойчивым сегментом локальной занятости стали перевозки — как водные (катера, аэроглиссеры), так и наземные (такси, трансферы, автомобильные экскурсии). Часто подобные услуги предоставляются «по знакомству» или через неформальные каналы бронирования — объявления на Avito, группы во «ВКонтакте», сарафанное радио.

Медиасопровождение: согласно нашим материалам, с ростом туристического потока развилась и небольшая сфера, связанная с медиаоформлением отдыха. Она включает, в частности, фотографов и видеографов: это индивидуальные и групповые фотосессии, съемка природы и городской среды, услуги по созданию рекламных материалов для местных гостиниц, кафе и т.д.

Структура низовых практик в туристической сфере

Среди особенностей низовых практик в туристической отрасли в первую очередь преобладает «теневая», неофициальная занятость, что замечают собеседники. Эта черта низовых экономических практик часто упоминается в контексте снижения налоговых поступлений в местный бюджет из-за отсутствия регистрации.

> *Они не стоят на учете, свой бизнес у них ведется в сером* (Муж., 52, чиновник).

> *Частичная экономика у нас, как сказать, она теневая, то есть те денежные средства, которые поступают предпринимателям от туристической деятельности, часто не учитываются и попадают не для улучшения состояния нашего района, а в карманы самих граждан* (Муж., 70, лесничий).

Неформальный характер организации, помимо прочего, обеспечивает относительную простоту входа в туристическую отрасль, быструю окупаемость и потенциально высокий доход. Кроме того, помимо возможности самостоятельного встраивания в туристический

рынок, существуют варианты включения в коллективные формы занятости — через работу в профессиональных командах (или «артелях» — в роли капитанов катеров, гидов и т.п.) или на низкоквалифицированных вакансиях в сфере обслуживания, часто без официального трудоустройства.

> *Очень серьезные деньги. Если у тебя есть катер, и даже если нет, ты можешь взять кредит и отвозить летом туристов, и отдать кредит, и катер становится твоей собственностью, и это твой инструмент бизнеса на следующий год. И таких людей много* (Муж., 50, чиновник).

> *Вынес из сарая дрова, пробил окно, сделал полку, поставил кровать и все. Ты можешь с ним работать. Ты свои 80–100 тысяч в месяц заработаешь влегкую* (Муж., 50, чиновник).

По словам собеседников, стандартом является совмещение с «официальной» занятостью, а также с другими туристическими практиками (например, один человек выполняет функции гида, водителя, капитана и сдает жилье). Основной работодатель далеко не всегда бывает осведомлен об этих дополнительных активностях.

> *А мы с 9 до 5 оттрубили на работе, а потом мы вольны делать все, что *заблагорассудится*. В рабочий день — нет. То есть это как бы нормально *не сообщать об этом основному работодателю** (Жен., 40, бухгалтер).

> *Ну когда на дядю работаешь, работаешь с 8 утра до вечера, а потом свободен, как ветер. А мы, так как мы на себя *работаем*, то у нас постоянно какие-то *дела вне рабочего графика** (Жен., 45, фотограф).

Режим работы при этом предполагает существенную гибкость, что в том числе отражается на гибкости предоставляемых услуг — например, для «мужиков с катерами», возможность изменения маршрута под нужды пассажира и расширенный навигационный сезон.

> *Здесь отходят «Метеоры» *крупные корабли* на Валаам. Сейчас, наверное, не знаю, <...> но думаю, что «Метеоры», сезон уже закончен *интервью проходило в октябре*. А так эти, на катерах еще гоняют мужики* (Жен., 40, бухгалтер).

> *В принципе 90% капитанов, они выросли на Ладоге, они знают каждый камушек, каждый островочек, каждую загубинку и заливы. Конечно, они понимают ветер <...> то есть это вполне себе безопасно. Ну просто комбо у вас будет, когда вы на частном катере*

едете, вас еще и в Шхеры завезут. То есть и на Валаам, и на Шхеры. А на «Метеоре» это только Валаам (Жен., 45, прокат сапов).

При достаточно высокой прибыльности такая деятельность может стать главным источником дохода и поводом покинуть основную работу. Кроме того, это дополнительные возможности занятости для пенсионеров и людей, находящихся в предпенсионном возрасте: участие в туристической экономике позволяет им поддерживать достаточный уровень дохода, не полагаясь исключительно на государственные выплаты.

*А некоторые уходят с работы, официально занимаются только туристическим бизнесом, у кого уже много денег. Мы только начали, ну я не хочу полностью уходить *в туризм** (Жен., 40, бухгалтер).

Он на пенсию сработал, все, он ушел. Пенсия есть, я в турбизнес, все, маленький домик (Муж., 50, чиновник).

Вот, как подушка безопасности очень хорошо. Но обычно дома вот эти сдают, на самозанятость переходят. А на пенсию-то мы как пойдем? Ну 8 тысяч это не хочется. Из-за этого мы работаем на официальных работах и вот это типа подработки (Жен., 40, бухгалтер).

Итак, мы выделили особенности, свидетельствующие о гибкости и относительной независимости низовых практик в туристической экономике. Вместе с тем в найме наблюдаются противоположные явления: непрофессиональная наемная занятость в секторе услуг (горничные, официанты) часто сопровождается высокой нагрузкой и низкой автономией, а ограниченность альтернатив делает туризм едва ли не единственным развивающимся сегментом экономики с относительно конкурентными доходами, что коррелирует с экспертными нарративами о кризисе рынка труда.

Средняя зарплата, как у нас говорят, 60 тысяч, но это неправда. У нас в среднем зарплата тысяч 30 официально в городе. Но основная масса людей на двух работах работает. А если говорят, что у человека зарплата 60 тысяч, к примеру, то он работает по 16 часов в день. Ну это так, в сфере туризма. Посудомойщицы, горничные, продавцы (Жен., 40, бухгалтер).

Из полевых данных следует, что значительная часть наемной занятости в туристической экономике Сортавала также осуществляется вне формальных рамок. Это подтверждается и экспертными нарративами, в которых подчеркивается, что неофициальная занятость лишает работников социальных гарантий.

Вы получите в сезон хорошую заработную плату, но тем не менее у вас огромный риск, что вы не получите в дальнейшем от этого свои и пенсионные какие-то выплаты дополнительные <...> и социальный пакет у вас не обеспечен, не гарантирован. То есть и рабочее время у вас тоже не урегулировано (Жен., 55, чиновница).

Таким образом, мы предлагаем различать найм и туристический промысел как разные формы низовой активности: если первый ближе к классическим представлениям о прекарности (низкий контроль над условиями, зависимость), то второй сочетает автономию с личной ответственностью за риски. Это два разных режима жизнеобеспечения, а не две стороны одной медали. Также мы отдельно выделяем деятельность с чертами «реального бизнеса» — то есть ориентированную на рост, масштабирование, институционализацию и включение в формальную экономику (крупные гостиничные комплексы с юридическим оформлением, туристические агентства и пр.).

Установив различие туристических промыслов и других низовых экономических практик, промысловыми скорее не являющихся, мы задаемся вопросом: *что же разделяет эти способы встраивания в туристическую экономику*?

Туристический ресурс и доступ к нему

На наш взгляд, ключевым различием между промысловиками, которые смогли извлечь выгоду из возросшей туристической активности, и теми, кто оказался в прекарной позиции, является доступ к туристическому ресурсу, источнику экономических практик в сфере туризма.

Вновь обратимся к понятию промыслового ресурса Плюснина. В его терминах, главный ресурс туристического промысла — человеческий, т.е. сами туристы[14]. Однако при таком подходе ресурсом любого промысла становится абстрактный потребитель, с которым осуществляется обмен, что чрезмерно обобщает и снижает аналитическую четкость категории «ресурс». Более продуктивным представляется понимать ресурс не как универсального «клиента» или «покупателя», а как совокупность вещей и условий, доступ к которым позволяет включаться в экономическую активность. Это воз-

14. Большинство туристических промыслов относятся к сфере услуг, что оправдывает необходимость человеческого ресурса для их осуществления. Однако для изучения туристических экономических практик в рамках кейс-стади (в частности, описывая неравномерность доступа к ним), мы предлагаем рассматривать в качестве источника промысла не самих туристов, а вещи, которые привлекают их в регион и формируют туристический поток.

вращает нас к идее ресурса как неравномерно распределенного и неравномерно доступного — материально и символически.

Понятие «туристического ресурса» используется в экономике, менеджменте и исследованиях туристической отрасли в контексте ГМУ[15] — в значении совокупности природных, культурных и инфраструктурных объектов, способных привлечь туристов. Однако в социальных исследованиях (надо сказать, чаще не в опубликованных работах, а в выступлениях на конференциях и академических дискуссиях[16]) мы регулярно сталкиваемся с неформализованным употреблением этого термина — как указание на нечто, что «есть в местах с турпотоками». Например, в работе Н. Веселковой и Е. Прямиковой, посвященной постиндустриальному осмыслению моногородов, без дополнительных пояснений различаются два типа туристического ресурса — природный и «наследие города» (индустриальное наследие, архитектура) (Веселкова, Прямикова, 2024).

Мы предлагаем расширить и уточнить это понятие, понимая под туристическим ресурсом социально и пространственно закрепленную возможность капитализировать внимание туриста — будь то природная локация, конкретный объект (достопримечательность), некие знания (история, локальный фольклор) или инфраструктурная позиция (возможность сдать жилье, организовать экскурсию и т.д.). В этом смысле можно вспомнить Дина Макканелла, описывающего структуру туристической достопримечательности как отношения между туристом, зрелищем (sight) и маркером — то есть информацией, указывающей, что это место заслуживает внимания. Если переформулировать, туристический ресурс — это не просто место, а способ организовать видимость, значимость и коммерческую ценность этого места в глазах туриста (Макканелл, 2023: 86). Возможность встроиться в эту связку и есть тот самый доступ к ресурсу. Для систематизации мы предлагаем классификацию, основанную на четырех признаках ресурса: природный, исторический, материальный, нематериальный. К природным ресурсам относятся ландшафты, водоемы, леса; к историческим — архитектура и иные элементы культурного наследия. Материальные ресурсы — это объекты, которые можно «продать» как достопримечательность; нематериальные — это сопровождающие нарративы, придающие объектам смысл и туристическую привлекательность.

15. ГМУ — городское и муниципальное управление.

16. Вспоминая Роджерса Брубейкера (2012), можем заметить, что «туристический ресурс» таким образом, не имея теоретизированного обоснования, становится категорией практики в академическом поле. Мы же попытаемся перенести его в аналитическое измерение.

	Природный	Исторический	Материальный	Нематериальный
Гора Паасо	+	+	+	+
Исторический нарратив о древнем племени Корела	-	+	-	+
Природный нарратив о чистоте и богатстве природы Карелии	+	-	-	+
«Дом Леандера»	-	+	+	-
Некое озеро	+	-	+	-

Данная схема позволяет достаточно гибко классифицировать различные туристические аттракции (см. табл. 1). Так, например, находящаяся близ Сортавала гора Паасо с одноименным городищем «древних жителей Карелии»[17] — объективно природный объект (гора), сопровождаемый археологическим памятником и характерным историческим нарративом. Сама история о древнем племени Корела будет представлять скорее нематериальный исторический ресурс. Представление о чистоте и богатстве природы Карелии — нематериальный природный ресурс, тогда как некое конкретное озеро — материальный и природный. «Дом Леандера» (здание финского банка начала XX века) — исторический материальный объект.

Важно подчеркнуть, что доступ к ресурсу не синоним его физической или юридической принадлежности, а вопрос включенности и способности распоряжаться ресурсом. Промысловики, как правило, обладают прямым доступом к ресурсу за счет непосредственного участия. Наемные работники же вовлечены в экономику, основанную на этом ресурсе, но не контролируют его. Представители «бизнеса» имеют зачастую больший, чем промысловики, доступ к ресурсу (за счет масштаба) — но этот доступ опосредован.

17. этокарелия.рф/gora-paaso/

Для пояснения воспользуемся метафорой добычи природного ресурса. Туристический ресурс — это полезное ископаемое, а инструмент доступа к ресурсу — кирка старателя. В случае «реального бизнеса» и других внешних акторов, инструментом доступа будет не кирка, а принадлежащая «бизнесмену» штольня — выработка ресурса выше, но доступ к ресурсу оказывается не непосредственным. Так, например, озеро будет являться туристическим ресурсом, а арендный дом на берегу, катер, рыболовный инвентарь — инструментами доступа.

Таким образом, низовые формы участия в туристической экономике Сортавала различаются по характеру доступа к туристическому ресурсу. С одной стороны — *туристический промысел*, основанный на прямом доступе к ресурсу, автономии, гибкости и кооперации. С другой — *наемная занятость*, не дающая доступа к ресурсу, часто неофициальная, с прекарными чертами[18].

Оговоримся, что мы не считаем весь наемный труд в туристической экономике Сортавала прекаризованным. Напротив, в местных нарративах встречаются примеры, когда наемная занятость в туристической сфере называется удобной и желанной формой труда с адекватной оплатой и возможностью совмещения. При этом даже нестабильная и физически тяжелая работа может восприниматься как приемлемая стратегия жизнеобеспечения. Также, уточним, что существуют места работы, где сотрудникам предлагается «полный соцпакет» и официальное устройство.

> *Вот у нас *** *ресторан*, видели? Там хорошая зарплата, она официальная, там от и до. <...> Ну платят *хорошо*, молодцы, полный соцпакет у них, полная официальная зарплата, но надо очень сильно поработать. <...> Хоть и привлекает зарплата, но это тяжело постоянно с таким потоком людей работать в таком режиме* (Жен., 40, бухгалтер).

Более того, было бы некорректно отождествлять трудовые режимы и уровень социальной защищенности работников разной квалификации: прекаризация в большей степени касается горничных, чем наемных капитанов катеров или бухгалтеров. Разделяя промыслы и наемный труд, мы прежде всего стремимся показать различные стратегии низового встраивания в туристическую экономику и их зависимость от доступа к ресурсу.

> *Ну есть предприниматели, у которых, например, 10 катеров. А есть действительно у тебя один катер, ты зарегистрировал-*

18. Отметим, что, учитывая трудности точной классификации и многообразие «пограничных» кейсов, все же уместнее говорить о спектре низовых экономических практик (различающихся по доступу к ресурсу и типу встраивания), нежели о строгих оппозициях.

ся как ИП или самозанятый и катаешь. А кто-то купил, например, 10 катеров, нанял 10 капитанов и вот они катают, зарплату платят капитанам. Ну вот у капитана нет возможности катер купить. <...> И ты идешь, нанимаешься капитаном. Но капитаны тоже за сезон неплохо зарабатывают, я вам скажу. Им хватает на всю зиму (Жен., 45, прокат сапов).

Вопросы локальной идентичности

Возвратимся к проблематике связи жителей с переселенческим городом и влиянием на городскую идентичность туризма. Промысловые практики за рамками экономики — это пользование пространством и способность влиять на его изменения. Доступ к туристическому ресурсу местными сообществами в Сортавала трактуется как владение частью социального и материального пространства — информацией о прошлом, транспортной или жилищной инфраструктурой, природой. Как замечают Кэтлин Ми и Сара Райт, между владением собственностью и принадлежностью существует прочная связь, которая предполагает появление второго из первого: самоидентификация с местом возникает в процессе активного использования того, что человек считает своим (Mee, Wright, 2009: 774; Mee, 2009). Взаимодействие внутри домохозяйства, с другими собственниками и пользователями не только подтверждает владение, но и создает социальное пространство, в котором права и практики, связанные с собственностью или доступом к ресурсу, воплощаются. Мы предлагаем развить этот тезис с помощью концепции «права на город» Анри Лефевра. Несмотря на ее теоретический и общий характер и «мейнстримность» в социальных исследованиях, мы также опираемся на работы, развивающие идеи Лефевра и находящие для них практическое применение в городском планировании и устройстве локальной социальной среды. Кейс города Сортавала позволяет дополнительно укоренить «право на город» в локальном пространстве, связать теоретическую концепцию, с одной стороны, с распространенными низовыми практиками в российском контексте, а с другой — с городской идентичностью.

Пространство города или городская среда — результат множественных социальных взаимодействий, которые опосредованы в пространстве с помощью ежедневных практик участия в (вос)производстве пространства — наполнения его материальной и символической инфраструктурой — и практик апроприации (присвоения), то есть пользования городом, извлечения политических и экономических выгод (Lefebvre, 1996; Лефевр, 2015). Описывая динамику, происходящую в современных городах, Лефевр отмечает, что в них жизнь регламентируется экономическими практиками, агентность зависит от способности участвовать в управленческих процессах, которые, в свою очередь, доступны группам и институтам, владеющим экономическим и символическим властными ресурсами (Lefebvre, 1996:

78–79). Разрешение политической конфликтности социальной среды города автор видит в реализации жителями прав на участие и апроприацию через революционные стратегии городского обновления для превращения среды в продукт совместного творения всех задействованных в локальной жизни акторов (Lefebvre, 1996).

Марк Перселл развивает тезисы Лефевра о конфликтности городской среды и предполагает, что право на город следует рассматривать не как завершенное решение текущих проблем современных городов, а как стартовую точку к новой городской политике, укорененной в «обитателях» (inhabitants) пространства — локальных сообществах (Purcell, 2002). Он предполагает совместное творение среды через реструктуризацию властных отношений, подразумевающую ее воплощение на локальном уровне и больший доступ к капиталу. Так, местные органы власти совместно с бизнесом и местными сообществами должны определять инвестиционные стратегии, направления торговли и устройство материальной инфраструктуры, поддерживающей и развивающей экономику города (Purcell, 2002: 103). Как в теоретических работах, так и в рассмотрении зарубежных и российских кейсов с применением оптики Лефевра, право на город подразумевает принадлежность населения к нему и, следовательно, городскую идентичность, укорененную в месте (Harvey, 2008; Королев, 2024). Однако, как мы указали в начале, в переселенческих городах, где жителям сложно выстроить принадлежность к месту на преемственности территории и семейной памяти, проблематизируется сама возможность осознавать себя «местным» (Łukianow, Wells, 2024). Рассмотренные нами низовые экономические практики — промыслы, — которые подразумевают доступ к туристическому ресурсу, становятся для жителей Сортавала альтернативным способом укоренения в городской среде.

Промысловое участие в туристической экономике дает степень независимости, получить которую иначе было бы затруднительно. Это экономическая автономия, возможность организации «семейного дела», относительный контроль над временем и трудом, а также более низкий порог входа по сравнению с формальным бизнесом или квалифицированной наемной занятостью. Имея прямой доступ к ресурсу, промысловики включаются в экономические практики на правах полноценного актора, что фактически дает им возможность «кормиться» с местности и делает их субъектными участниками экономических процессов. Помимо этого в целях заработка им необходимо создавать и делать видимой собственную материальную и нематериальную инфраструктуру — транспортные средства и места для их размещения, жилищные и досуговые постройки, «экскурсионные» или краеведческие нарративы и т.п., — что в терминах Лефевра может трактоваться как право на участие и право на апроприацию пространства.

Те, кто не имеет доступа к ресурсу, оказываются в более уязвимом положении: в условиях ограниченного рынка труда и монополизации крупных инфраструктурных объектов, включая транс-

портные сети, природные объекты и объекты культурного наследия, они становятся наемными работниками или вовсе исключаются из экономических процессов. Однако это исключение не означает отсутствия реализации права на город: напротив, возникает артикулированный запрос на участие и владение пространством в символическом поле. Мы трактуем это как альтернативную форму агентности — если промысловик реализует право на город через прямую апроприацию, то люди, лишенные доступа к ресурсу, — через артикуляцию недовольства по отношению к «чужакам» и претензию на участие в принятии решений.

> *Из-за туризма у жителей появляется такое ощущение, что держатели денег реализуют свои проекты и ни с кем не согласовываются. <...> Мы превращаемся в какую-то северную Анапу. <...> Мы ни на что не можем влиять вообще. Нас обесценивают как жителей* (Жен., 42, работница сферы культуры).

Наличие в городском пространстве туристов, специализированной инфраструктуры и благоустройства «для них» порождает у части жителей символическое ощущение отчуждения: «все для них, хотя это наш город». Однако важно отметить, что такая позиция разделяется не всеми — некоторые собеседники подчеркивают, что туристическая инфраструктура открыта и для горожан, и в этом нет противоречия.

> *Сделали вот эти все подсветки *в туристическом центре*. Да, здорово, круто. Но вот сейчас, допустим, я пойду домой по абсолютно темной улице. <...> Что за беспредел? Зато тут красиво для туристов* (Жен., 40, бухгалтер).

Дополнительным фактором напряжения становится участие в туристической экономике «иногородних» предпринимателей. Их воспринимают как «чужих» не только те, кто не задействован в туристической сфере, но и местные участники отрасли.

> *И вот москвичи, питерцы, они очень давят. У них другой как бы подход. У них как-то все зациклено на деньги. Хотя у нас сейчас тоже вот с туризмом, с этим, вот эти все катера, они тоже все, мне кажется, очень уж корыстно так вот подходят к этому ко всему* (Жен., 40, сотрудница социально-культурного центра).

При этом в нарративах прослеживается не столько критика самих туристов — как можно было бы ожидать, — сколько озабоченность вопросом контроля над ресурсом в активно развивающейся туристической экономике. Туризм в целом воспринимается в местных сообществах как благо для города и региона, следовательно, конфликт смещается в сферу распределения выгоды и доступа к тури-

стическому ресурсу. Иными словами, речь не о неприятии туризма как такового, а о фактической реализации права на город через апелляцию к принадлежности: «Сортавала прежде всего для сортавальцев, а не для туристов или внешних бизнес-игроков».

Постиндустриальный образ будущего

Рассказы местных жителей о советском времени жизни в Сортавала не лишены ностальгии: это, как отмечают исследователи, характерно для постсоветского пространства и является попыткой вернуться в лучшее время, связанное с личными воспоминаниями (Бойм, 2019). Опорные точки подобного нарратива — образ закрытого промышленного города, пространство которого было безопасным и спокойным, а жители обеспечены всеми необходимыми товарами, так как «все было свое». Действительно, в 1940–1980-х годах Сортавала находилась в пограничной зоне, что предполагало попадание в нее по пропускам через стоявшую на въезде погранзаставу. Приграничное положение воспринималось как защищенное как от внешних советскому государству сил — ближайшей Финляндии и, более широко, потенциально враждебных западных стран, — так и от внутренних «чужих».

> *Вот тут приграничная такая территория, раньше закрытой была. Ну зато мы немножко себя, может быть, поспокойнее чувствовали. Мы знали, что здесь особо-то посторонних людей просто так-то не бывает* (Жен., 55, экскурсовод).

В городе и вокруг него, как и во многих других населенных пунктах, находилось несколько производств для внутреннего и внешнего потребления: собеседники вспоминают молокозавод, пивзавод, хлебокомбинат, рыбзавод, мебельно-лыжный комбинат, швейную фабрику, птичник и совхозы-«миллионники» — бóльшая часть предприятий, за исключением хлебокомбината, закрылась в раннее постсоветское время, оставив в городском пространстве материализованную память о себе в виде руин (Матвеева, Радченко, Петров, 2021).

> *У нас изначально Сортавала — вообще город такой был, самодостаточный. Конечно, у нас было достаточное количество промышленных предприятий, пищевых предприятий, достаточное количество — это вот я говорю еще про советские времена — сельскохозяйственных предприятий. Это все было, это было хорошо, и рабочие места, все, в общем, проблем там вообще никаких не было с обеспеченностью. <...> Естественно, у нас наступили сложные 90-е, это все ушло, ни одного предприятия, кроме хлебокомбината пищевого, у нас не осталось. Совхозы у нас постепенно все ушли, экономика, конечно, у нас просто рухнула* (Жен., 65, чиновница).

В 2010-х годах местные власти, как и в приведенной цитате, рассматривали возможность развивать промышленность в городе и округе в том числе в сотрудничестве с Финляндией, которая для многих предприятий в приграничных районах республики являлась одним из основных покупателей. Для Приладожья до закрытия государственной границы с Финляндией была актуальна лесозаготовительная и лесообрабатывающая промышленность, помимо которой планировалось развивать тяжелые производства и, более того, рассматривалось создание особой экономической зоны в пределах Сортавальского городского поселения, в поселке городского типа Вяртсиля в нескольких километрах от международного пункта пропуска.

> *В свое время, когда у нас была открыта граница, конечно, мы планировали развивать и промышленные *предприятия*. У нас эти предприятия были по деревопереработке, мы планировали еще привлечь несколько предприятий, которые работали бы не по дереву, а с полимером. Мы планировали здесь, что у нас будет особая экономическая зона в Вяртсиля. Планировали, работали с Минэкономом нашим, очень долго работали над этим. Готовили документы, заявка была подготовлена* (Жен., 65, чиновница).

После 2022 года стала более реалистичной иная стратегия развития города: наравне с внутренним туризмом и в условиях усиления пограничного контроля предполагалось частично ориентировать экономику города и округа на так называемый «военный контингент»[19]. Это способствовало бы, с одной стороны, ограничению туристического потока и возвращению пропускной системы, а с другой — возможному повышению уровня жизни местных сообществ за счет новых рабочих мест от Министерства обороны РФ.

> *Все-таки это наличие дополнительных силовых структур на территории. Это создает дополнительную конкуренцию на рынке труда для местных. Это, конечно же, плюс. Это хорошо. У людей гарантированная работа. Но я к тому, что из сферы производства у нас утекают туда *на военные должности* люди. Поэтому это не плохо, но это особенность* (Муж., 50, чиновник).

Примечательно, что, несмотря на структурную нестабильность туристической экономики, удар по местной лесной промышленности и трансграничным индустриальным проектам после закрытия границы, а также популярный ностальгический нарратив о «закрытой» советской Сортавала, альтернативные туризму стратегии развития региона практически не находят поддержки среди наших собеседников. Из нескольких десятков интервью лишь единицы высказывались в пользу возвращения производств. Более того,

19. Жен., 69, чиновница.

подобный альтернативный нарратив требует совмещения легкой промышленности с туристической сферой, при котором первая работает на благо последней, что в целом является частым нарративом и в традиционно промышленных сообществах, переживших деиндустриализацию (Веселкова, Прямикова, 2024).

> *...в структуре экономики *Карелии* туризм может занять первое место, в Сортавала однозначно. <...> Лишние, конечно, какие-то предприятия, например, карьеры, могут навредить экологии. Могут, в принципе, отпугнуть немножко кого-то из туристов. Поэтому я считаю, что обязательно нужно здесь соизмерять развитие этой сферы. Потому что туризм — это должна быть главная, ведущая отрасль экономики, базовая. И развивать уже все инфраструктуры вокруг этой отрасли, чтобы не помешать друг другу* (Муж., 70, активист).

Достаточно часто фигурирует негативный нарратив о соседнем городе Питкяранта, где располагаются целлюлозно-бумажный комбинат — основное предприятие города, — а также бетонный завод и карьеры по добыче щебня. Сортавальцы часто высказывают опасения о состоянии экологии соседнего моногорода и отмечают, что на фоне Питкяранты Сортавала обладает более чистой природой, незагрязненной крупными индустриальными объектами, и, как следствие, более высоким туристическим потенциалом.

> *Питкяранта, конечно. Широченные проспекты, разбитые дороги, народу мало. Такое ощущение было, что тут эти *зомби* ходят. Очень удручающее впечатление производит, честно говоря. Мы туда съездили, сказали, нет. Такие фильмы ужасов снимают про зомби. И мы такие, я такая представляю, что тут по этой широченной, вот этому проспекту зомби такие идут. Вообще. Как-то немножко какое-то удручающее впечатление от Питкяранты. Ну она, конечно, дальше от Питера. В плане туризма оно все хуже, чем *в остальном Приладожье*. Здесь лучше* (Жен., 45, фотограф).

В отличие от классических индустриальных моногородов, экономическая жизнь Сортавала никогда не формировалась вокруг одного градообразующего предприятия. Местная идентичность в гораздо большей степени связана с окружающей природой и городским архитектурным наследием, которые рассматриваются как ключевые ресурсы и объекты гордости — в особенности после всплеска внутреннего туризма. Индустриальное производство, напротив, занимает сравнительно периферийное место в локальных представлениях о городе и его будущем.

Говоря о перспективах развития, следует отметить особенности кадрового потенциала Сортавала. В местном колледже особенно востребованы программы в сфере гостеприимства — число сту-

дентов на этих направлениях стабильно растет, как и потребность в них со стороны предприятий общественного питания и гостиничного бизнеса. Интересно, что в связи с былой распространенностью финского туризма в Приладожье финский язык по сей день[20] изучают в качестве второго иностранного на программах «туризм» и «гостиничное дело».

> *Ну у нас, например, специальность такая, поварское и кондитерское дело, там прямо за студентов борются, потому что очень много теперь сеть общественного питания, и гостиниц много, поэтому у нас и гостиничное дело, и поварское и кондитерское дело, как горячие пирожки ребят разбирают. То есть ребята многие начинают сразу со второго курса подрабатывать <...> Жалко иногда, когда не умеют совмещать работу с учебой, то есть для них деньги — это важный приоритет, поэтому уходят по собственному желанию* (Жен., 60, сотрудница колледжа).

Таким образом, складывающаяся в Сортавала перспектива туристического развития и образ туристического города воспринимается жителями как наиболее вероятный и во многом стратегически привлекательный сценарий. Хотя отдельные аспекты «туристической» трансформации вызывают критику или настороженность, отсутствие очевидных альтернативных стратегий делают этот вектор развития неизбежным в глазах многих участников сообщества.

Выводы

Часть низовой экономической деятельности, широко распространенной в туристической отрасли Сортавала, мы рассматриваем как спектр туристических промыслов — современных практик, направленных на самообеспечение. Они отличаются как от наемного труда, так и от полноценных бизнес-структур и имеют особое значение в условиях кризиса. Главным критерием, регулирующим способы встраивания в отрасль, является доступ к туристическому ресурсу — возможности капитализировать внимание туриста. Промысловый тип ведения дела мы считаем способом получить доступ к ресурсу напрямую, а промысловую занятость — характерной чертой локальных сообществ. Местные промысловики имеют прямой доступ к туристическому ресурсу; наемные работники, часто лишенные социальных гарантий в условиях неформальной занятости, такого доступа не имеют; иногородние бизнесмены и крупный бизнес имеют опосредованный доступ.

Возможность собственными силами и ресурсами капитализировать туристический поток в нашем кейсе становится способом

20. На 2024 год.

реализовать «право на город» и актуализирует локальную идентичность. Право на участие проявляется в непосредственном включении в туристическую экономику, а право на апроприацию — в создании новой материальной и нематериальной инфраструктуры и точек туристического притяжения.

Для местных жителей, не занимающихся туристическим промыслом и, соответственно, не имеющих доступа к ресурсу, проблематика права на город также является значимой: она проявляется через запрос на опосредованный доступ к ресурсу (или выгоду с «выработки» этого ресурса, то есть ренту) и участие в принятии решений, что отражается в видимом недовольстве в нарративах некоторых собеседников. Иными словами, это выражается в позиции «мы не против туризма, но мы должны получать выгоду с туристических потоков». Этот запрос также актуализирует право на город — жители желают обладать агентностью и борются за владение пространством в символическом поле. Описанные способы реализации права на город в условиях отсутствия возможности апелляции к исторической привязке к месту формируют альтернативный способ укоренения. На нем выстраивается принадлежность к городу, чувство городской идентичности, отделяющее местных жителей от приезжих: финнов, туристов, иногородних бизнесменов.

Туристическая отрасль при этом, в условиях ограниченности альтернатив, поддержки крупного бизнеса и государства, а также при широкой вовлеченности населения в туристическую экономику, воспринимается как основная стратегия развития города и, более того, всего Северного Приладожья. Несмотря на существование и попытки реализации альтернативных планов и большей диверсификации экономики города — в пользу трансграничных промышленных проектов или усиления границы[21] — продолжающийся рост туристического потока и связанное с ним увеличение инвестиций формирует достаточно однородную точку зрения на рассматриваемую сферу экономики: представители местных властей, другие стейкхолдеры, местные жители — большая часть наших собеседников считает туризм единственным путем для продолжения жизни самого города и его сообществ.

Интернет-источники

Петрозаводск говорит (2025). Сортавала попала в лидеры дорогих направлений для отдыха. URL: https://ptzgovorit.ru/news/sortavala-popala-v-lidery-dorogih-napravleniy-dlya-otdyha (дата доступа: 14.06.2025).

Республика (2024). Карелия под защитой: безопасность приграничных регионов усилят по поручению Владимира Путина. URL: https://rk.karelia.ru/politics/authority/

21. https://rk.karelia.ru/politics/authority/kareliya-pod-zashhitoj-bezopasnost-prigranichnyh-regionov-usilyat-po-porucheniyu-vladimira-putina/?ysclid=mc5ezk16vq401627o5

kareliya-pod-zashhitoj-bezopasnost-prigranichnyh-regionov-usilyat-po-porucheniyu-vladimira-putina/ (дата доступа: 14.06.2025).

Новости Карелии «Фактор новости» (2024). Туристический бум по-сортавальски. URL: https://factornews.ru/article/turisticheskij-bum-po-sortavalski/ (дата доступа: 14.06.2025)

Это Карелия (2025). Гора Паасо. URL: этокарелия.рф/gora-paaso/ (дата доступа: 14.06.2025).

МК Карелия (2024). Сортавала вошла в топ-10 городов для зимнего отдыха. URL: https://karel.mk.ru/social/2024/12/18/sortavala-voshla-v-top10-gorodov-dlya-zimnego-otdykha.html (дата доступа: 14.06.2025).

Moya Tvoya (2025). Путеводитель по Сортавала. URL: https://moyatvoya.ru/putevoditeli/sortavala-putevoditel (дата доступа: 02.06.2025).

Библиография

Александрова А. Ю. (2012). Политико-административные границы: от барьера к туристскому ресурсу // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 3. С. 15–20.

Бойм С. (2019). Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение.

Брубейкер Р. (2012). Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2024). Состояние постиндустриальности: «власть заводов» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 16. № 3. С. 10–32.

Кордонский С. Г. (2010). Россия. Поместная федерация. М.: Издательство «Европа».

Королев К. М. (2024). «Право на город»: Кронштадт глазами горожан // Фольклор и антропология города. Т. 6. № 1–2. С. 39–57.

Лефевр А. (2015). Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press.

Макканелл Д. (2023). Турист. Новая теория праздного класса / Пер. с англ. А. Боровикова, Е. Изотов. М.: Ad Marginem.

Матвеева Э. Г. (2021). Народная история Сортавалы в рассказах местных жителей // Фольклор и антропология города. Т. 4. № 1–2. С. 42–75.

Матвеева Э. Г., Радченко Д. А., Петров Н. В. (2021). Город в историях людей — Сортавала. М.: Неолит.

Мельникова Е. А. (2015). Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время // Антропологический форум. № 25. С. 9–41.

Плюснин Ю. М. (2024). Промыслы российской провинции: неформальные экономические практики населения. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Плюснин Ю. М. (2022). Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place.

Савельев Ю. В., Толстогузов О. В. (ред.) (2008). Управление развитием туризма в регионе. Опыт реализации стратегии Республики Карелия. Петрозаводск: Издательство Карельского научного центра РАН.

Селеев С. С., Павлов А. Б. (2016). Гаражники. М.: Страна Оз.

Alamineh G. A., Hussein J. W., Endaweke Y., Taddesse B. (2023). The local communities' perceptions on the social impact of tourism and its implication for sustainable development in Amhara regional state // Heliyon. Vol. 9. № 6.

Cowan T., Campbell B., Kalb D. (2023). Theorizing peripheral labor: Rethinking "surplus populations" // Focaal. Vol. 97. P. 7–21.

Duxbury N., de Castro T. V., Silva S. (2025). Culture–tourism entanglements: Moving from grassroots practices to regenerative cultural policies in smaller communities // International Journal of Cultural Policy. Vol. 31. № 4. P. 497–516.

Harvey D. (2008). The right to the city // New Left Review. № 53. P. 23–40.
Holden A. (2006). Tourism Studies and the Social Sciences. London: Routledge.
Izotov A. (2018). Mapping Sortavala: Local Identity Formation in a Soviet and Post-Soviet Border Town. DIIS Working Paper. Copenhagen: Danish Institute for International Studies.
Izotov A., Laine J. (2013). Constructing (un)Familiarity: role of tourism in identity and region building at the Finnish–Russian border // European Planning Studies. Vol. 21. № 1. P. 93–111.
Kondrateva S. V. (2021). Project approach to transboundary tourism-and-recreation region building: The case of Karelia // Baltic Region. Vol. 13. № 1. P. 124–137.
Laine J. (2017). Finnish-Russian border mobility and tourism: Localism overruled by geopolitics // Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe / D. Hall (ed.). Wallingford: CABI. P. 178–190.
Lefebvre H. (1996). The right to the city // Writings on Cities/ *E*. Kofman, E. Lebas (trs.). Oxford: Blackwell. P. 63–184.
Łukianow M., Wells C. (2024). Territorial phantom pains: Third-generation postmemories of territorial changes // Memory Studies. Vol. 17. № 2. P. 177–192.
Mayers J. (2005). Stakeholder Power Analysis. London: International Institute for Environment and Development.
Mee K. (2009). A space to care, a space of care: Public housing, belonging, and care in inner Newcastle, Australia // Environment and Planning A. Vol. 41. № 4. P. 842–858.
Mee K., Wright S. (2009). Geographies of Belonging // Environment and Planning A. Vol. 41. № 4. P. 772–779.
Muganda M., Sirima A., Ezra P. M. (2013). The role of local communities in tourism development: Grassroots Perspectives from Tanzania // Journal of Human Ecology. Vol. 41. № 1. P. 53–66.
Purcell M. (2002). Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant // GeoJournal. Vol. 58. P. 99–108.
Rogerson C. M., Letsie T. (2013). Informal sector business tourism in the Global South: Evidence from Maseru, Lesotho // Urban Forum. Vol. 24. P. 485–502.
Smith W. (2024). Tourism Cares. How Community-Based Tourism Empowers Locals and Enhances Travel. URL: https://www.tourismcares.org/tourism-cares-blog/how-community-based-tourism-empowers-locals-and-enhances-travel (дата доступа: 10.06.2025).
Stepanova S. (2016). The role of tourism in the development of Russia's Northwestern border regions // Baltic Region. № 3. P. 109–120.
Stepanova S. V. (2019). The Northern Ladoga Region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects // Geographia Polonica. Vol. 92. № 4. P. 409–428.
Tribe J. (1997). The indiscipline of tourism // Annals of Tourism Research. Vol. 24. № 3. P. 638–657.

Tourist industries and the "right to the city": Constructing local identity in post-Soviet Sortavala through the access to tourism resources

Egor A. Kuznetsov, Research Intern, Center for Sociocultural and Ethnolinguistic Research, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia. E-mail: kuznetsov.e@hse.ru

Varvara A. Mikhailovskaya, Research Intern, Center for Sociocultural and Ethnolinguistic Research, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia. E-mail: vmikhaylovskaya@hse.ru

Abstract. The article considers grassroots economic practices in the tourism sector of Sortavala, a town in northwestern Russia, which has undergone significant transformation following the COVID-19 pandemic and the closure of international borders in the 2020s. In the absence of large industrial enterprizes, domestic tourism has become a primary economic activity for local residents. The authors focus on tourism crafts — flexible, small-scale, and often informal practices that aim at self-sufficiency — to show how they adapt to the region's unstable social-economic conditions. These practices differ from both precarious wage labor and formal entrepreneurship, representing a distinct mode of engagement with the tourist economy, which is widely perceived as the only viable and strategically promising development path. Based on the qualitative study conducted in 2023–2024, the authors argue that access to tourism resources (places, infrastructure, narratives, and natural environments), which can be monetized through tourist interactions, serves as the central factor of participation in this economy. This access is unevenly distributed, has become a key site of social conflicts, and serves as not only an economic opportunity but also a mechanism for expressing and enacting a sense of belonging. Through tourism crafts, local actors assert a form of the "right to the city" — the right not only to inhabit but also to actively shape urban and natural spaces. Thus, grassroots involvement in tourism functions as a medium for articulating and renegotiating local identity.

Key words: Sortavala, tourism economy, informal economy, tourism crafts, tourism resources, right to the city, local identity

References

Alamineh G. A., Hussein J. W., Endaweke Y., Taddesse B. (2023) The local communities' perceptions on the social impact of tourism and its implication for sustainable development in Amhara regional state. *Heliyon*, vol. 9, no 6.

Aleksandrova A.Yu. (2012) Politiko-administrativnye granitsy: ot bariera k turistskomu resursu [Political-administrative borders: From barriers to tourism resources]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no3, pp. 15–20.

Boym S. (2019) *Budushchee nostalgii* [The Future of Nostalgia], Moscow: NLO.

Brubaker R. (2012) *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity without Groups], Moscow: HSE.

Cowan T., Campbell B., Kalb D. (2023) Theorizing peripheral labor: Rethinking "surplus populations". *Focaal*, vol. 97, pp. 7–21.

Duxbury N., de Castro T. V., Silva S. (2025) Culture-tourism entanglements: Moving from grassroots practices to regenerative cultural policies in smaller communities. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 31, no 4, pp. 497–516.

Harvey D. (2008) The right to the city. *New Left Review*, no 53, pp. 23–40.

Holden A. (2006) *Tourism Studies and the Social Sciences*, London: Routledge.

Izotov A. (2018) Mapping Sortavala: Local Identity Formation in a Soviet and Post-Soviet Border Town, Copenhagen: DIIS Working Paper.

Izotov A., Laine J. (2013) Constructing (un)familiarity: Role of tourism in identity and region building at the Finnish Russian border. *European Planning Studies*, vol. 21, no 1, pp. 93–111.

Kondrateva S. V. (2021) Project approach to transboundary tourism-and-recreation region building: The case of Karelia. *Baltic Region*, vol. 13, no 1, pp. 124–137.

Kordonsky S. G. (2010) *Rossiya. Pomestnaya federatsiya* [Russia. Estate Federation], Moscow: Europa.

Korolev K. M. (2024) "Pravo na gorod": Kronstadt glazami gorozhan ["Right to the city": Kronstadt in the perception of city residents]. *Folklor i Antropologiya Goroda*, vol. 6, no 1–2, pp. 39–57.

Laine J. (2017) Finnish Russian border mobility and tourism: Localism overruled by geopolitics. D. R. Hall, D. K. Müller (Eds.). *Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe*, Wallingford: CABI, pp. 178–190.

Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space], Moscow: Strelka Press.

Lefebvre H. (1996) The right to the city. E. Kofman, E. Lebas (Eds.). *Writings on Cities,* Oxford: Blackwell.

Łukianow M., Wells C. (2024) Territorial phantom pains: Third-generation postmemories of territorial changes. *Memory Studies*, vol. 17, no 2, pp. 177–192.

MacKanell D. (2023) *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa* [Tourist: A New Theory of the Leisure Class], Moscow: Ad Marginem.

Matveeva E. G. (2021) Narodnaya istoriya Sortavaly v rasskazah mestnyh zhitelei [Folk history of Sortavala in the stories of local residents]. *Folklor i Antropologiya Goroda*, vol. 4, no 1–2, pp. 42–75.

Matveeva E. G., Radchenko D. A., Petrov N. V. (2021) *Gorod v istoriah lyudei — Sortavala* [City in People's Stories — Sortavala], Neolit.

Mayers J. (2005) *Stakeholder Power Analysis*, London: International Institute for Environment and Development.

Melnikova E. A. (2015) Lokalnoe proshloe na granitse natsionalnogo: kraevedcheskie muzei Severnogo Priladozhya v postsovetskoe vremya [Local past on the national border: Local history museums of the Northern Ladoga Region in the post-Soviet period]. *Antropologichesky Forum*, no 25, pp. 9–41.

Mee K. (2009) A space to care, a space of care: Public housing, belonging, and care in inner Newcastle, Australia. *Environment and Planning A*, vol. 41, no 4, pp. 842–858.

Mee K., Wright S. (2009) Geographies of belonging. *Environment and Planning A*, vol. 41, no 4, pp. 772–779.

Muganda M., Sirima A., Ezra P. M. (2013) The role of local communities in tourism development: Grassroots perspectives from Tanzania. *Journal of Human Ecology*, vol. 41, no 1, pp. 53–66.

Plusnin J. (2022) *Sotsialnaya struktura provintsialnogo obshchestva* [Social Structure of Provincial Society], Moscow: Common Place.

Plusnin J. (2024) *Promysly rossiiskoi provintsii: neformalnye ekonomicheskie praktiki naseleniya* [Russian Provincial Crafts: Informal Economy of Households], Moscow: HSE.

Purcell M. (2002) Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant. *GeoJournal*, vol. 58, pp. 99–108.

Rogerson C. M., Letsie T. (2013) Informal sector business tourism in the global South: Evidence from Maseru, Lesotho. *Urban Forum*, vol. 24, pp. 485–502.

Savelyev Yu.V., Tolstoguzov O. V. (Eds.) (2008) *Upravlenie razvitiem turizma v regione. Opyt realizatsii strategii Respubliki Kareliya* [Regional Management of Tourism Development: Implementation of the Strategy of the Republic of Karelia], Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the RAS.

Seleev S. S., Pavlov A. B. (2016) *Garazhniki* [Garage Communities], Moscow: Strana OZ.

Stepanova S. (2016) The role of tourism in the development of Russia's northwestern border regions. *Baltic Region*, no 3, pp. 109–120.

Stepanova S. V. (2019) The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects. *Geographia Polonica*, vol. 92, no 4, pp. 409–428.

Tribe J. (1997) The indiscipline of tourism. *Annals of Tourism Research*, vol. 24, no 3, pp. 638–657.

Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2024) Sostoyanie postindustrialnosti: "vlast zavodov" [The state of post-industriality: "The power of factories"]. *Interaktsiya. Interviyu. Interpretatsiya*, vol. 16, no 3, pp. 10–32.